

УДК 81'371:82-1-3

Л. М. Шецо

**ПРОЗО-ПОЭТИЧЕСКИЙ ИДИОСТИЛЬ
КАК ЕДИНОЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
(на примере ЛСП «вода» в текстах произведений В. Короткевича)**

В статье рассматриваются особенности лексической структурированности и образного наполнения концептосферы прозо-поэтического идиостиля (ППИ) В. Короткевича на примере ЛСП (лексико-семантическое поле) «вода». Исследование ППИ, представляющего собой двуединый полижанровый лингвостилистический феномен, в диалектике общего и частного, универсального и специфического является актуальным, так как модель комплексного исследования ППИ одного автора до сих пор не разработана.

Введение

Тексты, созданные одним автором, при всём их возможном разнообразии, создают нечто единое, будучи скреплёнными категорией «образ автора» (по В. В. Виноградову). Они образуют общую систему микросмыслов, единую картину индивидуально-авторского мировидения с определенными коммуникативно-прагматическими установками, эстетической направленностью и пр. Макротекстом творчества того или иного автора является идиостиль, определяемый как «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения. Под идиостилем ...понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности» [1]. В качестве важной лингвостилистической категории индивидуальный стиль неоднократно становился объектом анализа в лингвистике. В частности, из последних отечественных монографических исследований, посвящённых идиостилям отдельных авторов, можно отметить работы В. А. Масловой «Поэт и культура: Концептосфера Марины Цветаевой» [2], Т. В. Балуш «Лингвоконцептуальный анализ художественного текста» [3] и др.

Объектом изучения в такого рода исследованиях, как правило, становится творчество или писателей-прозаиков, или поэтов, или драматургов. Вместе с тем индивидуально-авторская концепция мира может быть репрезентирована одним и тем же художником слова и в прозе, и в поэзии, и даже в драматургии. В русской литературе – это, например, творчество А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Б. Л. Пастернака, И. А. Бунина и др. Для белорусской литературы одним из наиболее ярких примеров такого рода является литературно-художественное наследие Владимира Короткевича.

Жанровое разнообразие, образная система, концептосфера – эти и многие другие факты идиостиля писателя уже становились объектом ряда исследований. Это, например, работы А. Воробья «Прыдняпроўе ў творчым лёсе Уладзіміра Караткевіча» [4], Ю. М. Литвиновой «Фальклорныя традыцыі ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча» [5], В. И. Ивченкова «Лексическая организация текста: В творческой лаборатории В. Короткевича» [6], П. П. Жолнеровича «Публіцыстыка Уладзіміра Караткевіча: моўны факт у вызначэнні жанру» [7], С. М. Лясович «Сістэма колераабзначэння ў мове твораў Уладзіміра Караткевіча: Структурна-семантычны, функцыянальны і кагнітыўны аспекты» [8] и др.

На наш взгляд, особый интерес для дальнейшего исследования творчества В. Короткевича и для лингвистической стилистики и поэтики представляет феномен **прозо-поэтического идиостиля (ППИ)**, в совокупности представляющий собой двуединое полижанровое (проза + поэзия) образование. Такой анализ предполагает изучение особенностей идиостиля прозы и идиостиля поэзии автора в диалектике общего и частного, универсального и специфического и является актуальным, учитывая то, что модель комплексного исследования прозо-поэтического идиостиля одного автора до сих пор не разработана.

Цель данной работы – выявление лексической структурированности и образного наполнения концептосферы **прозо-поэтического идиостиля** (ППИ) В. Короткевича на примере анализа лексико-семантического поля (ЛСП) «вода». Данная цель предполагает решение задачи определения и интерпретации ключевых слов-концептов¹ и их лексико-семантических полей (ЛСП) как доминант ППИ писателя.

Результаты исследования и их обсуждение

С лингво-концептуальной точки зрения в идиостиле отражается и реализуется языковая картина мира, интерпретируемая сквозь призму индивидуального восприятия автора. Ядро семантического пространства текстов В. Короткевича составляют традиционные для белорусской культуры образы: *земля, река, дерево, нива, небо* и др. Словесные знаки подобного рода в ППИ автора благодаря концептуализации и коннотативным приращениям претерпевают семантическую трансформацию и в совокупности создают **индивидуально-авторскую концептосферу**. Её можно представить в следующем виде: **базовый собирательный образ** – ядро художественной картины мира (у В. Короткевича – это *Радзіма*); его непосредственное наполнение составляют ключевые **концептуально значимые лексемы** данного поля (*зямля (ніва, дрэва), вада (рака, мора), неба (сонца, месяці)*), в ближайшем окружении которого находится ряд **ключевых слов** второго порядка (*хлеб, груша, дуб, колас, кропля, крыніца, човен, туман и др.*) (см. схему).

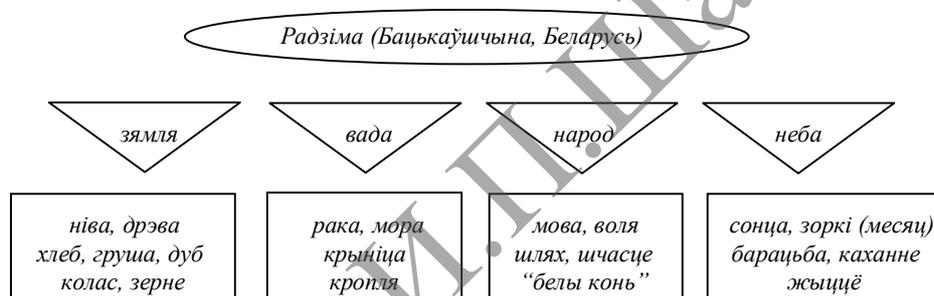

Схема – Концептосфера ППИ В. Короткевича

Дифференциация концептуально значимой лексики по уровням концептуализации в ППИ В. Короткевича была осуществлена по следующим критериям: объём семантики (гипероним-гипонимические отношения: *вада – мора – рака – крыніца – кропля*); подверженность метафоризации; интертекстовый статус; частотность употребления и др.

Известно, что *вода* – один из первичных архетипов. Он нейтрален, т. е. не ограничен рамками конкретного мифологического сюжета, и связан с универсальными категориями человеческого мышления. Суммировав материал, который предлагают «Мифологический словарь» [11], «Словарь символов» Х. Э. Керлота [12] и энциклопедия «Мифы народов мира» [13], можно сформулировать следующие фундаментальные символические значения *воды*: первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса; андрогинное начало жизни, воплощение мужской или женской плодотворяющей силы; эквивалент всех жизненных соков человека; метафора смерти, опасности, исчезновения; начало и финал всех вещей; символ неизмеримой, безличной мудрости.

¹ Вслед за В. Н. Телия мы рассматриваем концепт как продукт человеческой мысли и явление идеальное, а, следовательно, он присущ человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструкт, он не воссоздаётся, а «реконструируется» через своё языковое выражение и внеязыковое знание Н. А. Афанасьева [9], определяя термин «концепт», наполняет его сочетанием лингвистического и экстралингвистического содержания, исходя из того, что концепт – это полевая структура, которая имеет ядро и периферию. Ядро составляют значения слова как носителя дополнительной значимой информации и его дериваты. Периферия концепта во многом опирается на экстралингвистические знания и имеет более сложную структуру: ассоциативный слой, слой гештальтов и слой, через который осуществляется выход в контекст культуры (вертикальный контекст, интертекстуальный слой) [10, 8].

Ни одно из названных значений не является словарным в лингвистическом смысле, что видно при их сравнении с парадигмой значения лексемы *вода* в словаре С. И. Ожегова: 1. *Прозрачная, бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода.* 2. *В нек-рых сочетаниях: напиток или настой.* 3. *Речное, морское, озёрное пространство, а также их поверхность или уровень* <и др. знач.> [14, 89].

Основными репрезентантами концептов в тексте являются **ключевые слова**, их ЛСП, представленные в виде лексико-семантических цепочек и тематических рядов.

ЛСП «вода» у В. Короткевича представлено ключевым рядом: *кропля – криница – рака (возера) – мора (акіян)* (выделение ключевых лексем проводилось с учётом объёма семантики, интертекстового статуса, особой смысловой нагрузки, в том числе подверженности метафоризации, а также по принципу частотности их употребления). Его основу составляют концептуально значимые, текстообразующие для ППИ автора лексемы *рака (Днепр)* и *мора*.

Концепт «река», будучи константным, универсальным в художественной картине мира, в **прозо-поэтической концептосфере (ППК)** В. Короткевича предстаёт уникальным, индивидуальным. Его смысловое наполнение в контексте осуществляется не столько за счёт узуального значения лексемы, сколько благодаря авторским коннотациям, составляющим в узусе периферию семантической области данного слова, но в индивидуально-авторском контексте перемещающихся к её центру.

В прозаическом идиостиле В. Короткевича все названные компоненты ЛСП «вода»: *кропля – криница – рака (возера) – мора (акіян)*, – находятся в тесном контекстуальном взаимодействии. Так, в приводимом ниже примере они объединяются отношениями смысловой градации и участвуют в создании ёмкого метафорического образа, концептуализирующего «Я» героя: «*Вось цякуць кроплі, – думаў ён. І я такая самая кропля. Яны, зліваючыся утвараюць криницу, раку, мора. Ім усё адно з кім зліцца, Але мне патрэбна тая кропля, адзіная, з якой мы разам нарадзіліся ў зямной глыбіні*» [15, 182].

Рака у писателя олицетворяет жизнь человека от рождения (*кроплі*) и становления (*ручай, рака*) до окончания пути и обретения смысла жизни (*мора, акіян*), где *мора* ассоциируется с любовью, счастьем (рассказы «У шалашы», «Лятучы галандзец») или становится аллюзией на восстание 1863 года (роман «Каласы пад сярпом тваім»): «*імкнулася да мора магутная рака*» [16, 457]. Путь реки к морю – это и метафора поиска жизненной дороги главными героями (роман «Каласы пад сярпом тваім»), их стремления к счастью, воле: «*Але няхай ён хаця б здалёк, хаця б дажджавой кропляй на лісіку дняпроўскага явара, кропляй, якая праз хвіліну ўпадзе ў криницу, убачыць далёкае-далёкае мора, да якога ляжыць ягоны шлях*» [16, 238]. Так, жизнь Алеся Загорского сопоставляется в романе с Днестром: «*...усе людзі вялікай ракі і ўсе Людзі, увесь Род – гэта ён, а ён – яны*» [16, 214].

Характерно, что концептуальная лексема *рака* зачастую контактирует в ППК В. Короткевича с многозначной концептуальной лексемой *дарога*: *рака – дарога – жыццё* (в романе жизненный путь героев метафорически соотносится с рекой (см. примеры выше): «*што ён ведае аб шырокай плыні жыцця*» [17, 113], «*шляхі ўсіх краін славянскіх зліліся ў адну раку і не адрозніш, дзе тая, а дзе іншая плынь*» [18, 323]); *рака – дарога – смерць* («*з вытокаў да вусця ракі, што няспынна бяжыць, няўхільна адносячы юных і сталых ладдзі*») [18, 263]; ср. также персонафицированное обращение старого Данилы Когута перед смертью: «*Рэчка ты мая, рэчанька. Залаценькая ты мая. Бяжы сабе ды бяжы. Нясі сабе ды нясі*» [17, 389].

Кроме того, к выражению авторской идеи о цикличности всего живого в природе можно подводить определённый порядок следования в контексте лексических доминант рассматриваемого ЛСП: «*Косці стануць зямлёй, і вырастуць дрэвы, і пацякуць з іх кроплі дажджу. Проста туды, у раку. І ён стане ракою, а рака – ім. І нават самы мудры, нават бог, іх не адрозніць*» [17, 389]. «*Свет не стаіць на месцы... Ёсць у ім стаячая вада і плынь. Першая гіне і робіцца балотам, другая – з криницы робіцца ручаінай, ракою, морам, аблокамі*» [16, 193].

В отличие от прозаического идиостиля, в поэзии В. Короткевича лексемы *кропля, ручай* доминирующими не являются и фигурируют скорее как отдельные частные образы: «*Сцякалі па струнах росы – слёзы душ, багоў, людзей*» [18, 222], «*як сканаю, душа застаенеца ў ззянні кожнай криничнай слязы*» [18, 235], «*хмара... і заплакала ад кахання, і слязою чыстаю абмыла*» [18, 273], «*дажджык скупы, як халодны плач*» [18, 344] «*на магіле Марыі каліна ў кроплях вясёлкавых слёз*» [18, 306]. Здесь нет той смысловой нагруженности, которая возлагается на них в прозе, нет, в частности, метафоры реки как жизненного пути.

В то же время отличительной чертой тропеичности поэзии В. Короткевича является антропоморфизм, реализующийся в процессуальных («хмара... заплакала... і слязою чыстаю абмыла», «дождж лапоча на драніне» [18, 298]) и субстантивных («росы-слезы») олицетворениях.

Лексемы ручай/крыніца представлены здесь как номинации образов пейзажной зарисовки: «будуць давеку крыніцы на гэтай зямлі» [18, 251], «хвоі, што растуць над гэтай крыніцай» [18, 324], и лишь метафорическое соотношение крыніца – песня («крыніца песняй завецца, а цячэ яна з гушчы народнай» [18, 324]) наполняется иным содержанием: «піце з чыстай крыніцы, з напеваў матчыных» [16, 326], «паважайце, любіце бацькоўскую спадчыну» [18, 326], – таков завет поэта потомкам.

Парадигма текстовых образных представлений концепта «река» представлена в произведениях В. Короткевича несколькими тематическими рядами, ядро которых составляют универсальные, общечеловеческие знания о реке, которые отражены в следующих тематических рядах: рака – бераг – туман («у Дняпро ручайнай спывае туман» [18, 269], «абрыў ад ног у плынь Дняпра нырае» [18, 313], «на тым беразе цягнулася Доўгая круча» [16, 187], «адхоны над белым Дняпром і ліловыя хмызнякі на грывах» [16, 247]); рака – рыба – рыбак – човен («човен мой орыжыць у цэнтры храма» [18, 220], «увесь Дняпро ў кругах і ходзіць рыба шалёна» [15, 182], «рыба брохнула, як вясло» [18, 271], «каля берага плыў у чаўне дзед... сівы, лысы. Такі добры дзед» [15, 196], «дзед сівенькі ў лазе, трапеткія вуды і барвянец імклівы на плыні ракі» [18, 81]). Заметим, что образ старого деда является одним из сквозных в ППИ В. Короткевича. Идея мудрости и вечности выражается, в частности, в ассоциативной параллели: дзед сівенькі [18, 82] – сівы Дняпро [18, 21].

В прозаических произведениях В. Короткевич прибегает к таким устойчивым метафорическим образам, как рака – «плынь», «стужка», «вада» («імклівая плынь Дняпра» [16, 13], «убачыў... далёкую-далёкую стужку Дняпра» [16, 289], «на вадзе скакалі залатыя іскры» [15, 197]). В ближайшем окружении таких номинаций, как правило, появляются средства эмоционально-образного усиления контекста: эпитеты («курганы стаяць ўжо колькі стагоддзяў на берагах вялікай ракі» [16, 212], «шмат паветра было над вялікай ракой» [17, 389]), сравнения («узвышаўся мур, а за ім Дняпро, падобны на мора» [16, 198], «ён спакойна і рэдка зіхацеў дробнымі хвалямі, як сіняе срэбра» [16, 310]).

Что касается поэзии, то здесь аналогичные словесные образы более уникальны, разнообразны, данная образная парадигма представлена шире: рака – люстра – шкло – крышталь – храм – чаша и т. д. («рачное шкло» [18, 165], «бяжыць крышталь да пенных хваль салёных» [18, 200], «Свіцязь дрэмле ў зялёных гаях, нібы поўная чаща сіняя, малахітавая на краях» [18, 231], «пралятае самотны гусь, разразаючы люстра крылом» [18, 267]).

Многие метафорические конструкции создают образ реки – живого существа: «хваля пясок цалуе, ціха цені ў прыдонных лозах пляце» [18, 79], «ціха цмокае ў сне рака» [18, 37], «лілеі да рання заснулі ў цёплай вадзе» [18, 42], «рака ўся млела над сонцам, прымаючы ва ўлонне сонечную цёплыню» [15, 196], «яна плыве, гурчоча, цурчыць, або проста і плаўна рухаецца наперад» [15, 295], «ішоў да Дняпра, што спачатку з гарматым гулам крышчў лёд, потым імчаў яго, грукасячы і зноў бурачы замкі з крыг, а потым шырока разліваўся, нібы хацеў захпіць у сваё ўлонне як найбольш неба» [17, 249]. Антропоморфизм глагольных метафор В. Короткевича делает описание более наглядным, пластичным.

Концептуальное схождение рака – неба представлено у писателя двумя микрополями: рака – неба – сонца («бачыце, над плынямі Дняпра, поўнае пяшчотнай дабрынёю, сонца павісае над вадою» [18, 220], «толькі адзін прамень падаў... на нябачную ваду, мякка залоцячы дно» [16, 156], «Вышэй Сухадола вялікая рака разлілася на дванаццаць вёрст. Сонца гуляла у ёй, і побач з гэтым магутным ззяннем мізэрнымі здаваліся бліскаўкі манастырскіх купалоў на тым беразе» [17, 77]). У В. Короткевича солнце по своему величю, мощи и силе соотносится с Днепром как две равные силы; рака – начное неба – звёзды (месяц) – човен – каханне: («перакрэслішы вудай смугу агнявую, я гляджу ў свінцовы і грыфельны змрок» [18, 269], «ноч і рака... дай мне гэту зямлю з табою абняць... над вялікай ракой каханне ідзе» [18, 182]).

Такой романтический образ, состоящий из градационного наращивания концептуальных смыслов: река жизни – чёлн – звёздное небо – люди – счастье (сквозной для ППИ автора), – выполняет роль финального аккорда в развитии отношений между героями. В большей степени это характерно для прозы В. Короткевича. В подтверждение приведём несколько примеров:

«Недзе далёка, на курсу парахода, гарэла нізкая сіняя зорка. Стоячы на носе парахода, яныплылі проста на яе... і бясконцы быў шлях да сіняй зоркі» (рассказ «У шалашы» [15, 189]), «каўчэг знала, злёгка пагойдваючы на хвалях, і зверху глядзелі на яго зоры, якія тысячы разоў бачылі гэта і ўсё ж не стамляліся зайздросціць зямной цеплыні» (рассказ «Блакит і золата дня» [15, 208]); «Ён стаяў і глядзеў на свет. Дрэвы замерлі. Блішчэла шырокае ўлонне Дняпра... Неба высыпала, нечакана для пачатку лета, тысячы зор... у яе пагрозліва-блізкіх вачах былі два маленькія адбіткі Шляху Продаў» (історыя любові между Алесем и Майкой в романе «Каласы пад сярпом тваім» [17, 338–339]). В таких контекстах на першы план выходзіць чувствены образ, які воплащае індывідуальна-авторскую канцэпцыю міра о гармоніі межлічностных адношэнняў.

Неотъемлемой часткай пейзажа ракі в ППІ В. Короткевіча явяляюцца дрэвы («І зашумяць асіны над ракою, і будуць светлымі ўлетку дні» [18, 311]). Номініруючыя іх лексемы таксама напўняюцца асобым сэнсам. Напрыклад, вечназеленая сосна – дрэва скорбі і печалі: «і хацеў бы ляжаць я над родным Дняпром, на зялёным, сасновым, грывастым пагосце» [18, 358]. В романе «Каласы пад сярпом тваім» яна становіцца прадвестнікам трагічнай гібелі (расправа над Юліанам Лопатой і Стефанам Когутом): «Там, на ўзлесьсі, як волат, стаяла магутная сухая сасна» [17, 274]. О соснах успамінае стары Вежа, пытаючы вернуць вунуку жажду к жыццю, утрачэнную пасля смерці матэры: «Імклівы, дрыготкі, як страла ў палёце, Дняпро... Доўгае, з вярсту, і высокае, сажняў у пяцьдзесят, урвічка... Крывава-чырвоная гліна... І на стромах, карэннямі ўгору і свежымі шатамі ўніз, – сосны... Вісяць... Бітыя, страшна скарлючаныя... Перавітыя, непрыступныя, самотныя... Няскораныя ў сваім жаданні жыць там, дзе не здолеў і не хацеў жыць ніхто» [17, 242]. В такім кантэксте на першы план выдвІгаецца асацыятыўна-образнае канцэптуальнае сходаенне рака – дрэва. Аллюзіяй вольнараспахнутае стыхіі велікае ракі і ветра, бескрайнае прастора выступае суровае і непобедімае дрэва – сосна, якое, як і рака, неподвластно нікакім пераменах. Аналагічную канцэптуальную нагрукеннасьць даннае словеснае образ встрачаем і в поэзіі: «над стромай страшэннай шапку з чорнага голля надзела сасна... добра жыць на сасне – над шэрымі хатамі, на абрывах высокіх» [18, 80].

Канцэптуальная лексема рака, наряду с другімі (зямля, ніва, дрэва, мора, неба, сонца, месяц і др.), вхадзіт в састав базовае сабірательнае канцэпта Радзіма, адін з фрагментаў якога фарміруецца за счёт ЛСП «вода»: «праплысці б рэкамі радзімы ранній» [18, 213], «падае кропля, і ціха, так ціха звініць, быццам расінкі вясёлак з дубоў беларускіх у срэбныя чашы лясных беларускіх крыніц» [18, 213]; «Той змрочны, лясны, тужлівы, але самы родны свет, дзе яны нарадзіліся: Волхава балота... Прыпяць і сівавусы Нёман, і багатыя прыдняпроўскія гарады... і чыстыя крыніцы, у якіх плаваюць люстраныя карцы» [16, 292].

В ППІ пріорытэт аддан раке Дняпр. Об этом свидетельствует частота употребления: в поэзии свыше 30 упоминаний (для сравнения – река Сож, Припять, Двина – по 1 разу, Береза – 2, Свитязь – 3, Неман – 5), а в романе «Каласы пад сярпом тваім» яго образ персоніфіцыраван і абладае асобой сэнсловай напўненнасьцю, о чым реч шла вышэ. Неслучайно В. Короткевіч влюблено піша: «мой Дняпро» [16, 237]. Дняпр прадстае велікім, мацным, неподвластным: «вялікая рака» [6, 80], «над Дняпром шырокім выемка светлай аркаю лягла» [18, 317], «Дняпро быў у гэтым месцы проты, як страла... А круча на тым беразе была самым дзіўным, што калі-небудзь ён свавольна ўтварыў» [16, 187]; мудрым, вечным: «магутны, сівы Дняпро» [18, 19], «яго душу ўгадвалі старыкі і плаўні адвечнага, як Беларусь, Дняпра» [18, 228]. Для пісатэля лексічныя дамінанты Дняпр – Прыдняпроўе – Радзіма саставляюць адноснае сэнсловае прастранства: «за Дняпро, за Беларусь» [18, 297].

Выводы

1. Канцэптуальнае адноства ППІ заключаецца в теснае кантэкст-партнёрстве ключевых слов, канцэптуальна значімых лексем, выпольняюцых тэкстаобразуючую функцыю в прадэлах воего тэкставае прастранства творчэства аўтара.

2. Асновнымі элементамі канцэптуальнае структуры ППІ В. Короткевіча явяляюцца следуючыя лексічныя кампаненты: базавы сабірательны образ (ядро художэственнае канцэптуальнае карціны міра – канцэпт Радзіма); яго сэнсловае напўненне саставляюць канцэптуальна значімыя ключевыя лексемы (зямля (ніва, дрэва), вада (рака, мора), неба (сонца, месяц)), в бліжэйшэ акружэнні якіх знаходзяцца такія лексемы, як груша, дуб, колас, кропля, крыніца, човен, туман і др.

3. Троповость, ярко выраженная авторская позиция, своеобразное индивидуально-авторское восприятие действительности, антропоморфизм образно-экспрессивных номинаций, концептуализация общеизвестных слов – отличительные черты идиостиля В. Короткевича.

4. ЛСП «вода» в ППИ автора представлено единичными ключевыми словами-концептами, образующими лексико-семантические цепочки и тематические ряды. Особенности поэзии и прозы по отношению к концептуализации *воды* заключены в своеобразном смысловом, лексическом, эмоциональном наполнении ключевых лексем, а также обусловлены жанрово-композиционными и эмоционально-образными возможностями прозаических и поэтических текстов. Так, в прозаическом идиостиле шире представлен ряд ключевых лексем *кропля – крыніца – рака (возера) – мора (акіян)*, которые в большей степени подвержены концептуализации. В поэтических текстах некоторым из этих лексем отведена лишь роль номинации образов частного порядка (*кропля – ручай/крыніца*).

Літаратура

1. Идиостиль // Кругосвет: энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/2/29/1007657.htm>. – Дата доступа: 20.05.2008.
2. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
3. Балаш, Т. В. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста / Т. В. Балаш. – Минск: БГПУ, 2005. – 113 с.
4. Верабей, А. Прыдняпроўе ў творчым лёсе Уладзіміра Караткевіча / Анатолий Верабей // Роднае слова. – 2003. – № 3. – С. 95–98.
5. Літвінава, Ю. М. Фальклорныя традыцыі ў паэзіі Уладзіміра Караткевіча / Ю. М. Літвінава // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 3–8.
6. Ивченко, В. И. Лексическая организация текста: В творческой лаборатории В. Короткевича / В. И. Ивченко. – Минск: БГУ, 2002. – 211 с.
7. Жаўняровіч, П. П. Публіцыстыка Уладзіміра Караткевіча: моўны факт ў вызначэнні жанру: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.10 / П. П. Жаўняровіч; Беларус. дзярж. ун-т. – Минск, 2006. – 23 с.
8. Лясавіч, С. М. Сістэма колераабзначэння ў мове твораў Уладзіміра Караткевіча: структурна-семантычны, функцыянальны і кагнітыўны аспекты: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01 / С. М. Лясавіч; Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Минск, 2006. – 24 с.
9. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
10. Афанасьева, Н. А. Соотношение «образ – концепт – символ» в поэтическом тексте (на материале поэтических текстов М. Цветаевой) / Н. А. Афанасьева // От слова к тексту: материалы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 13–14 нояб. 2000 г.: в 3 ч. – Минск: МГЛУ, 2000. – Ч. 3. – С. 8–10.
11. Мифологический словарь / авт. кол.: А. А. Аншба [и др.]; под ред. Е. М. Мелетинского. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1992. – 736 с.
12. Керлот, Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот. – М.: REFL-book, 1994. – 608 с.
13. Мифы народов мира: в 2 т. / редкол.: С. А. Токарев (гл. ред.) [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1987–1988. – Т. 2. – 560 с.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
15. Караткевіч, У. Аповесці, апавяданні казкі / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Минск: Маст. літ., 1988. – Т. 2. – 511 с.
16. Караткевіч, У. Каласы пад сярпом тваім / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Минск: Маст. літ., 1989. – Т. 4: Раман. – Кн. 1. – 399 с.
17. Караткевіч, У. Каласы пад сярпом тваім / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Минск: Маст. літ., 1989. – Т. 5: Раман. – Кн. 2: Зброя: Аповесць. – 527 с.
18. Караткевіч, У. Вершы, паэмы / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Минск: Маст. літ., 1987. – Т. 1. – 431 с.

Summary

The article considers the features of lexical structuredness and figurative filling of the conceptual sphere of V. Korotkevich's prose and poetic individual style by the example of lexical and semantic field «water». Prose and poetic individual style represents twofold polygenre linguistic and stylistic phenomenon in dialectics of general and particular, universal and specific. The research of prose and poetic individual style is urgent because the model of complex prose and poetic individual style of one author is not still developed.

Поступила в редакцию 09.10.08.